

УДК 811.512.141`34
DOI 10.17223/18137083/63/21

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа

**«Формулярные списки о службе чиновников
Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы»
как источник по исторической фонетике башкирского языка**

На материале «Формулярных списков о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы» рассматривается одно из интересных исторических фонетических явлений башкирского анлаута – употребление глухих смычных К, К вместо современных Г и Ғ. Рассмотрев данное явление по территориальным и этническим группам башкир, делается вывод о том, что в языке башкир катайских и табынских объединений система смычных не различала звонкость и глухость. Именно поэтому заимствованные из арабского и персидского языков антропонимы с анлаутными звонкими смычными в языке башкир отдельных кантонов дали глухие, в других – звонкие варианты смычных. По материалам формулярных списков также удалось проследить этапы озвончения анлаутных К и Ғ в диалектах башкирского языка.

Ключевые слова: формулярные списки, башкирский язык, фонетическое явление, анлаут, смычные согласные, антропоним.

В последние годы в связи с разработкой коллективной монографии «История башкирского народа» в 7 томах с 8 книгами-приложениями, включающими в себя документы и материалы из разных архивов России и других стран, в научный оборот было введено множество новых письменных источников. Среди них для историков языка особую ценность представляют документы, содержащие сведения о диалектных особенностях языка населения той или иной территории. Такие памятники письменности могут быть использованы для интерпретации ряда языковых явлений и уточнения их относительной хронологии. К числу таких памятников письменности можно отнести «Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы» [Формулярные списки..., 2012, т. 1; 2014, т. 2].

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ, заведующая отделом языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, научный руководитель Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (просп. Октября, 71, Уфа, 450054, Россия; hisamitdinova@list.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 2
© Ф. Г. Хисамитдинова, 2018

Данные документы представляют собой формулярные списки чиновников и военных двенадцати башкирских и пяти мишарских кантонов на русском языке. Формулярные списки состоят из следующих граф:

- 1) чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия;
- 2) сколько от роду лет;
- 3) из какого звания;
- 4) есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имение;
- 5) в службу вступил и во одной какими чинами происходил и когда;
- 6) в течении службы в которых именно полках и батальонах по переводам и происхождениям находился;
- 7) во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличия в сражениях и по службе удостоился получить;
- 8) российской грамоте читать и писать, и другие какие науки знает ли;
- 9) в домовых отпусках был ли, когда, на какое время и являлся ли на срок;
- 10) в штрафах был ли по суду или без суда, за что именно и когда;
- 11) холост или женат и имеет ли детей;
- 12) в комплекте или сверх комплекта при полку или отлучке, где именно, и по чьему повелению и какого времени;
- 13) к повышению достоин или за чем не аттестуется [Формулярные списки..., 2012, т. 1, с. 10].

Как показывает вопросник, формулярные списки являлись в то время основным документом, отражающим служебный статус каждого башкирского чиновника, каждого офицера или лица, служившего по выбору. Изложенные факты позволяют говорить о том, что эти документы являются ценнейшим источником по истории башкир и башкирского края.

В формулярных списках представлен огромный лингвистический материал. Это имена, фамилии, в отдельных случаях – отчества, прозвища башкир XVIII и начала XIX в. Если учесть, что фамилии, отчества многих чиновников и военных, судя по документам, восходят к личным именам башкир конца XVII и начала XVIII в., то можно уверенно говорить о том, что в формулярных списках нашли отражение отдельные языковые особенности башкир XVII–XIX вв. Именно поэтому они представляют особую ценность с точки зрения истории башкирского языка.

Объектом исследования в настоящей статье является башкирская антропонимия, извлеченная из документа «Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы», с точки зрения отражения в нем диалектных фонетических особенностей башкирского языка и уточнения относительной хронологии некоторых фонетических явлений.

Для исследования нами привлечены материалы только башкирских кантонов. В то время их было двенадцать. Анализ антропонимического материала с точки зрения присутствия в них диалектных фонетических явлений позволяет говорить о том, что в формулярных списках нашли отражение следующие явления:

- употребление в анлауте заимствованных из арабского и персидского языков антропонимов глухих смычных К, К вместо современных Г, Ф. Ср.: Кулбадан (2, 83, 4)¹ – современное имя *Гөлбәзән*, Калимжан (1, 75, 7) – *Фәлимйән*, Куль-

¹ В скобках указаны том, страница, строка (см. [Формулярные списки..., 2012, т. 1; 2014, т. 2].

базир (1, 266, 1) – *Гөлбәзир*, Кульгизар (1, 424, 3) – *Гөлгизәр*, Карифа (1, 70, 1) – *Ғарифә*, Канбер (2, 23, 6) – *Ғәмбәр* и др.;

- употребление в анлауте заимствованных антропонимов глухого смычного К вместо звука Х. Ср.: Канифа (1, 369, 5) – современное имя *Хәнифә*, в говорах – *Һәнифә*, Кадиса (1, 602, 4) – *Хәзисә/Хәдисә*, в говорах – *Һәзисә*, Казира (1, 72, 3) – *Хәжирә*, в говорах – *Һәжирә*, Куппыниса (2, 778, 3) – *Хөптөниса*, в говорах – *Һөптөниса* и др.;

- выпадение в анлауте отдельных антропонимов смычного звука Ғ. Ср.: Айша (1, 474, 4) – современные *Ғәйшә/Әйшә*, Алимбика (1, 524, 5) – *Ғәләмбикә*, Альмурзина (Альмурза) (1, 280, 4) – *Ғәлимырза*, Адельбану (2, 132, 2) – *Ғәзелбану*, Алима (1, 335, 4) – *Ғәлимә* и др.;

- широкое употребление в анлауте и инлауте антропонимов ряда кантонов звука Ж вместо распространенного современного Й. Ср. анлаут: Жумагулов (1, 331, 1) – современная фамилия Йомағолов от личного имени *Йомағол*; Жиганша (1, 291, 4) – *Йыһанша*, Жанбика (1, 294, 2) – *Йәнбикә*, Жамиля (1, 329, 3) – *Йәмилә*, Жаугара (1, 302, 2) – *Йәүһәр*; инлаут: Тимиржан (1, 311, 3) – *Тимирйән*, Абдулжапар (1, 321, 1) – *Әбделъяппар/Әбделйаппар*, Кульжаугар (1, 323, 3) – *Гөлйәүһәр*, Кульжамал (1, 32, 3) – *Гөлъямал/Гөлйамал*, Туряжан (1, 117, 1) – *Түрийән* и др.;

- параллельное употребление в некоторых антропонимах губных Б и М. Ср.: Манубика (2, 120, 1) – *Бануубикә*, Кулману (2, 144, 2) – *Гөлбану*, Кульбану (2, 30, 2) – *Гөлбану*, Гульминяс (2, 277, 4) – *Гөлбиназ* и др.;

- употребление в аффиксах наличия отдельных антропонимов с вариантами на =Д, =Л, =Н. Ср.: Минлибика (1, 640, 3), Миндияр (1, 703, 3), Миннулла (1, 646, 3), Миннигул (1, 761, 1), Миндыбика (1, 303, 4), Миндигулов (1, 250, 1), Минлизиган (1, 621, 1) и др. [Формулярные списки..., 2012, т. 1; 2014, т. 2].

В настоящей статье мы остановимся только на одном явлении, а именно на употреблении в анлауте заимствованных антропонимов из арабского и персидского языков глухих смычных К, К вместо современных звонких Г, Ғ. Сразу следует отметить, что в формулярных списках, в документе, составленном на русском языке, но со слов местного населения, глухие К, К передаются одной буквой К, а звонкие Г, Ғ – буквой Г.

Следует также добавить, что глухие анлаутные К, К, судя по работам диалектологов, в отдельных башкирских говорах были зафиксированы еще в 60 х гг. прошлого столетия. Ср.: *карабә* (ик.-сакм.), *кәрәбә* (сред.) – *гарәбә* (лит.), *кәләмеш* (сред., ай.) – *гәләмеш* (лит.), *кәманлы* (сакм.) – *гоманлы* (лит.), *көнаҫ* (киз.) – *гонаһ* (лит.), *көрөн* (дем., киз., сред.) – *гөрөн* (сев.-зап.), *өйәр* (лит.) и др. [ДСБЯ, 2002, с. 432]. Однако, судя по исследованиям последних лет, данное явление практически исчезло из говоров и диалектов башкирского языка, т. е. произошло повсеместное озвончение анлаутных К и К. Лишь в речи старшего поколения заметны следы глухого анлаута в ряде лексем говоров и диалектов башкирского языка. В связи с изложенным будет интересно проследить, как и когда начался процесс озвончения смычных в говорах, какие промежуточные этапы развития смычных можно проследить по русским письменным источникам, так как они обычно записывались, как уже говорилось выше, из уст, т. е. из разговорного языка башкир той или иной территории, того или иного родоплеменного образования.

Весь материал по употреблению глухих и звонких смычных в анлауте башкирских антропонимов арабского и персидского происхождения или включающих в свой состав иноязычные элементы представлен нами в таблице, которая наглядно показывает функционирование анлаутных смычных в языке башкир того или иного кантона.

Анлаутные смычные согласные в арабизмах и фарсизмах
The anlaut consonant stops in Arabic and Farsi loanwords

Кантоны	Употребление Г, Ғ	Употребление К, Қ
1	107	–
2	45	5
3	39	5
4 Загорный	15	13
4 Западный	11	45
5	2	47
6	7	142
7	135	2
8	71	5
9	38	28
10	37	–
11	11	–
12	35	–

Судя по таблице, в четырех кантонах, а именно в 1-м, 10-м, 11-м и 12-м зафиксированы в анлауте только звонкие смычные Г, Ғ. В остальных кантонах зафиксировано анлаутное употребление как глухих К, Қ, так и звонких Г, Ғ. При этом в отдельных кантонах представлено больше глухих, в других – звонких смычных. В частности, наибольшее употребление глухих К, Қ в анлауте заимствованных антропонимов зафиксировано в 5-м и 6-м кантонах, в которых отмечена почти стопроцентная представленность глухих смычных К, Қ. В 4-м Западном кантоне зафиксировано 80 % антропонимов с глухими анлаутными смычными К и Қ. Примерно половину составляют антропонимы с глухими смычными анлаутами К, Қ в 4-м Загорном кантоне. Около половины глухой смычный анлаут с К и Қ зафиксирован в антропонимии башкир 9-го кантона. Во 2-м и 3-м кантонах зафиксировано примерно 10–11 % антропонимов с анлаутными глухими К, Қ. И как уже говорилось выше, глухие смычные К, Қ в анлауте антропонимов башкир 1-го, 10-го, 11-го и 12-го кантонов вообще не встречаются.

Как известно, в пратюркском языке не было звонких смычных Г и Ғ [СИГТЯ, 2002, с. 171–172]. Их не было и в прабашкирском языке [Дмитриев, 2008, с. 35–36]. Поэтому все ранние заимствования в тюркских языках, в том числе и башкирском, в анлауте оглушались, т. е. смычные Г и Ғ заимствованной лексики переходили в К и Қ. Изложенная закономерность тюркской фонетики анлаута и обусловила употребление глухих К, Қ вместо Г и Ғ арабских и персидских заимствований в антропонимии башкир XVII–XIX вв.

Как показывает материал, оглушение анлаута заимствованной антропонимии было не везде одинаковым. По степени оглушения анлаута кантоны можно объединить в четыре зоны.

Первая зона, включающая территории 5-го, 6-го, отчасти 4-го Западного кантонов, характеризуется максимальной адаптацией анлаутных смычных заимство-

ванных антропонимов к языку башкир указанных кантонов. Именно поэтому в документах по 5-му, 6-му, и 4-му Западному кантонам, заполненных со слов местного населения, нашли отражение в анлауте не звонкие Г и Ғ, а глухие К и Қ. К данной группе в определенной степени приближаются антропонимы 4-го Загорного кантона, в которых глухой анлаут, как уже говорилось выше, составляет более половины. С диалектной точки зрения первая зона охватывает основную часть восточного и средний говор южного диалекта башкирского языка, носителями которого являются башкиры табынского, катаяйского, тамьянского и айлинского объединений, а также горно-лесные кыпчаки и тангаурцы. Именно эти родоплеменные группы сохранили древний глухой смычный анлаут. В наших предыдущих работах подчеркивалась связь глухого смычного анлаута, реликтовых консонантных сочетаний типа «сонант + глухой смычный» с языком башкир катаяйского и табынского объединений; язык катаяйских и табынских башкир, а также этнических групп, вошедших в эти объединения, обнаруживает в области консонантизма близкую связь с языком сибирских татар, желтых уйгуров и памятников древнетюркской письменности. По-видимому, эта особенность языка указанных групп башкир и нашла отражение в глухом анлауте заимствованных из арабского и персидского языков антропонимов или элементов отдельных имен.

Вторую зону составляет 9-й башкирский кантон, в котором звонкие и глухие смычные в анлауте антропонимов составляют примерно одинаковое количество вариантов (38 и 28).

С этнической точки зрения территория 9-го кантона в XIX в. в основном была заселена башкирами – кыпчаками, бурзянами, усерганцами и степными тамьянцами, носителями южного диалекта, а 4-го Загорного – восточными табынцами, носителями говоров восточного диалекта башкирского языка [Кузеев, 2016, с. 105, 107, 109, 112, 226–227; Хисамитдинова, 1989, с. 67–68].

Третья зона охватывает 2-й и 3-й кантоны, в которых глухой анлаут составляет 10–11 %. Остальные антропонимы представлены звонкими согласными Г и Ғ. Носителями языка башкир, относящихся к третьей зоне, являются башкиры – гайнинцы, сызгинцы, упейцы и терсяки [Кузеев, 2016, с. 202, 307, 312]. Их язык относится к гайнинскому и среднеуральскому говорам северо-западного диалекта башкирского языка [Хисамитдинова, 1989, с. 18, с. 44].

Четвертую зону составляют 7-й и 8-й кантоны, т. е. центральный Башкортостан, в котором в основном представлен, за редким исключением, звонкий смычный анлаут. С этнической точки зрения центральный Башкортостан представлен такими родоплеменными группами, как юрматынцы, западные табынцы, отдельные подразделения минцев [Кузеев, 2016, с. 105, 226, 307]. В языковом плане они все являются представителями южного диалекта башкирского языка [Хисамитдинова, 1989, с. 17].

В данную зону, по-видимому, относятся и кантоны 1, 10, 11, 12. С этнической точки зрения перечисленные кантоны представлены минцами, множеством северо-западных башкирских племен, имеющих отношение к булгарам, мадярам и кыпчакам. Язык этих башкир относится к северо-западному и южному диалектам башкирского языка. В анлауте говоров как южного, так и северо-западного диалектов представлены как звонкие, так и глухие смычные. По-видимому, в этих диалектах с самого начала была система как звонких, так глухих смычных. Именно поэтому носители этих двух диалектов и говоров иноязычную антропонию, судя по документам, заимствовали так, как она была представлена в языках-донорах, т. е. арабском и персидском языках.

Что же касается башкир катаяйского и табынского объединений, то они в связи с особыми смычными, характерными их языкам, были вынуждены адаптировать заимствования к фонетическим особенностям своего языка.

Подводя итоги, можно сказать о том, что формулярные списки являются одним из важных источников для изучения исторической фонетики башкирского языка, так как они содержат большой языковой материал, фиксируют этапные явления, происходящие в том или ином языке.

Список литературы

- Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. 2-е изд. М.: Наука, 2008. 264 с.
- ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
- Кузеев Р. Г.* Собрание научных трудов: В 7 т. Т. 4. Уфа: Китап, 2016. 528 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы: В 2 кн. Кн. 1. Уфа: Китап, 2012. 424 с.; Кн. 2. Уфа: Китап, 2014, 1072 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа: БГПИ, 1989. 96 с.

Список использованных говоров и диалектов башкирского языка

Ай. – айский говор восточного диалекта; **дем.** – демский говор южного диалекта; **ик-сакм.** – сакмарский говор южного диалекта; **киз.** – кизилский говор восточного диалекта; **лит.** – башкирский литературный язык; **сакм.** – сакмарский говор южного диалекта; **сев.-зап.** – северо-западный диалект башкирского языка; **сред.** – средний говор южного диалекта.

F.G. Khisamitdinova

*Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation
hisamitdinova@list.ru*

«Formal lists on the service of officials of the Bashkir-Meshcheriak army in 1836–1842» as a source on the historical phonetics of the Bashkir language

One of the interesting historical phonetic phenomena of the Bashkir Anlaut – the use of voiceless K, K instead of modern Г, F is considered in «Formal lists on the service of Officials of the Bashkir-Meshcheryak army in 1836–1842». This phonetic phenomenon is studied in 12 Bashkir cantons of the 19th century. Concerning the use of stop consonants, the cantons are grouped into four zones. The first zone is composed of cantons, in which the anlaut of personal names borrowed from the Arab and Persian languages presents mostly voiceless stops. These are the fifth, the sixth and the fourth Western cantons. Territorially, they are Bashkirs of the northeast and southeast of Bashkortostan. The second zone involves the cantons in which the anlaut of the borrowed personal names is represented by approximately equal numbers of voiceless and sonorous stops. These include the fourth Zagorny and the ninth cantons. Territorially, this group is represented by the Bashkirs of southern and southeastern Bashkortostan. The third zone is made up of cantons, with about 9–10 % of the voiceless stops in the borrowed part of the Bashkir anroponymy. This zone is represented by the second and the third cantons. The Bashkirs of the northern Bashkortostan are in the third zone. The fourth zone is made up of cantons, where the anlaut of personal names is represented by the voiced stoppers only. These are the seventh and the eighth cantons. Bashkirs of central Bashkortostan are territorially in this zone. In addition, the

author analyzes the ethnic composition of the canton population. A conclusion is made that in the Bashkir language of the Katai and Tabynian tribal associations, the system of stops did not distinguish the presence of voice and its absence. That is why anthroponyms borrowed from the Arabic and Persian languages with voiced consonants in the Bashkir language of individual cantons were represented by the voiceless stops, in others – by voiced variants of stops. Also, the author managed to trace the stages of voicing the anlaut K and K in the dialects of the Bashkir language by studying the materials of «Formal lists on the service of officials of the Bashkir-Meshcheriak army in 1836–1842».

Keywords: formal lists, Bashkir language, phonetic phenomenon, anlaut, occlusive, anthroponomy.

DOI 10.17223/18137083/63/21

References

Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Bashkir language]. Ufa, Kitap, 2002, 432 p.

Dmitriyev N. K. *Grammatika bashkirskogo yazyka. 2-e izd.* [Grammar of the Bashkir language. 2nd ed.]. Moscow, Nauka, 2008, 264 p.

Formulyarnyye spiski o sluzhbe chinovnikov Bashkirsko-meshcheryakskogo voyska za 1836–1842 gody: V 2 kn. [Formal lists about the service of officials of the Bashkir-Meshcheryak army for the years 1836–1842: in 2 books]. Bk 1. Ufa, Kitap, 2012, 424 p.; Bk 2. Ufa, Kitap, 2014, 1072 p.

Khisamitdinova F. G. *Istoriya bashkirskogo yazyka: Materialy po istoriche-skoy fonetike* [History of the Bashkir language: Materials on historical phonetics]. Ufa, 1989, BGPI, 96 p.

Kuzeyev R. G. *Sobraniye nauchnykh trudov: V 7 t. T. 4* [Collection of scientific works: in 7 vols. Vol. 4]. Ufa, Kitap, 2016, 528 p.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regio-nal'nyye rekonstruktsii [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstruction]. Moscow, Nauka, 2002, 767 p.